

г. Ленинград
Тр. им. Кончаловской

Четверг Ленинград
г. Ленинград

19 ДЕК 1995

Время. Художник. Творчество

Ничего, кроме правды

Среди тех, кто на Ленинградской областной партийной конференции будет представлять деятелей литературы и искусства, — народный артист СССР лауреат Государственной премии СССР главный режиссер театра имени А. Ф. Кончаловского Р. С. АГАМНЯН. С него ходатайство о присуждении премии было подано Е. А. Алесяеву.

— Рубен Сергеевич, сейчас, в дни, когда страна готовится к XXVII съезду КПСС, когда идет антическое обсуждение предвыборных документов партии, что вас как коммуниста и художника особенно волнует?

Главное, чем отмечен нынешний этап духовного развития общества, — внимание к человеку. Во главу угла поставлен человеческий фактор, принципы человеческой совести, морали. Свершая великие дела, мы несколько либерально относились к нарушениям нравственной дисциплины. На фоне наших огромных свершений поступки отдельных людей, живущих не по совести, потребительство, вешливость, моральная дистрофия вызывали «отдельными недостатками». Эти пороки подвергались нашему осуждению как не слишком опасные явления. Сегодня партия, проявляя социальную новаторство, весь голос сказала о том, что эти явления далеко не безобидны, что они мешают нашему движению вперед. В подобной ситуации моя профессия, дело, которым я занимаюсь, выдвигаются на передний край борьбы за социальный прогресс. Создавая свою особую миссию, театр должен разговаривать со зрителями на языке неприукрашенной правды, на языке страстной публицистики, быть не просто зрителем, не просто отражать жизненные ситуации, в активах вмещиваться в жизнь и по мере сил наложивать те моральные «вокали», которые с течением времени, видимо, ослабились. Театр является из любви и ненависти, и мы должны с открытым забором заявлять, что мы любим и что ненавидим.

— Театр призван опережать время — и делает это. Своими лучшими произведениями, лучшими героями он первоначально выявляет конфликты — психологические, социальные, даже экономические, потому что только находит общественное сознание. Как вам кажется, что из ваших герояев скагоня — на острие социальной проблематики?

— Думаю, что самый современный герой из тех, кто выходит на сцену нашего театра, — гвардии рядовой Кэллин Аббей из спектакля «Святые святых» Иона Друця. Действие пьесы происходит в Нью-Йорке, но героям повстречаются поступки нравственных мерзьями Великой Отечественной войны, и выясняется, что сегодня мы плакнули слишком. Общественная страстиность желания отвечать за все, что делается вокруг, талантливо написанный Друцем человеческий характер — все это делает Кэллина настоящими героями. Я случайно зал на этом спектакле и чувствую, что раз от разу — а со дня премьеры прошло уже восемь лет — спектакль не творит, а набирает зрительские симпатии.

Современный герой может быть не только в драме, он может и в комедии. У нас есть такая комедия — «Приговорщик», напротивожильная, на всем побегах часто маскирует русскую в разных главах — в том числе и в «Вечернем Ленинграде». Но вот уже десять лет она действует в театре и делает свое добное дело, потому что в цент-

ре ее — интересный герой. Это — актер, не прославленный, не ведущий, не усыпанный звездами, скромный, честный трудяга. В трудном постижении героя он оказывается победителем, что, как известно, несложно. Значит, может быть и такой живой ход в проблеме героя...

«Много лет я проводил на сцене спектакль по пьесе Михаила Шатрова «Синие кони на красной траве». В этой работе мы руководствовались идеальным положением, высказанным Н. К. Крупской: «Образ Ленина это мысль Ленина». На сцене — актер, рассказывающий об одном дне жизни Владимира Ильича. Освобожденный от личных, индивидуальных качеств, образ вождя приобретает характер обобщения. Мы видим государственного деятеля, руководителя огромной страны, подлинного мыслителя, умеющего высказывать противоположную точку зрения, умеющего понять оппонента более того — помочь человеку избежать его заблуждения, попытаться переубедить. Думается, такие нечестные руководители делают образ чрезвычайно современным, импонирующим залу.

Вообще, проблема нравственного героя у нас достаточно запутана. Когда говорят о положительном герое, подразумевают почему-то человека абсолютно безупречного. Но такого нет в природе! Нет его и в литературе, тем более в драматургии. Даже в «классических» советских пьесах у Погодина или Вишневского мы видим: центральные персонажи, вступающие в неизбежные социальные столкновения, это не люди с ангельскими крыльшками. А у нас зачастую требуют героя с крыльшками. Герой не должен быть безупречным, он должен быть многообразным, изменчив, в главном — притягательным, любимым для зрителя. Социальные сдвиги создают конфликтные ситуации, попадая в которые герой находит нравственные, высокоморальные способы преодоления трудностей. Много путей в драме нет.

— Существование такого героя предполагает оппонента. И чем острее борьба, тем серьезней антигерой, не так ли?

— Разумеется. Порой в произведениях, утверждающих высокие нравственные идеалы, такой персонаж выходит на первый план. Так, в центре пьесы Виктора Розова «Изгнан до глухаря» — трагическая история честного человека, изменившегося для себя ставшего глухим к жизни, утратившего духовные связи даже с самыми близкими людьми. Что тут ценено! Столкновение героя, который не выдержал испытаний сстыдостью, с молодыми героями, в прозе жизни и в итоге — проздание. За годы своего существования спектакль счастливо избежал социальной коррозии, не устарел. Его актуальность подтверждается тем, что новый партийный открытый заложил «образность нравственного выражения личности».

Научный сейчас процесс обновления всех сфер нашей жизни, насыщенный творческим

только как формы общественного сознания, но и как учреждения — с ее единой планом, с экономическими, хозяйственными проблемами...

— Необходимо изменение организационной структуры театра, действительно театра. Это большая и серьезная проблема. У театров эта настойчивая самостоятельности не только в главные, но и во второстепенных организационных вопросах. Качество нашей работы и экономические показатели, как бы не связанны друг с другом, большая самостоятельность позволила бы нам планировать свою финансющую, хозяйственную работу не на год, как сейчас, а на пятилетку, как принято у нас в стране, распоряжаться теми имеющимися, что возникают у нас в силу зрительского интереса к театру, сделать «аплаузящий центр» на билеты... Та дотация, которую выделяет нам государство сегодня, требуется для иных, действительно жизненно важных нужд страны. Мы это хорошо понимаем. Надо самим зарабатывать деньги, а для этого нам следует освободиться из тысяч бесследенных, устаревших инструкций. Если какие-то полномочия сдвиги в организационной структуре театра произойдут, я уверен, они будут способствовать укреплению советской театральной системы, которая, без преувеличения, лучшая в мире.

У нас в стране театр занимает особое место, он как бы наше общее счастье. Тот, кто приходит в театр не случайно, кто становится настоящими театральными зрителями, — делается лучше, потому что богаче, обретает способность к сопереживанию. Ведь театр дарует людям особую, ни с чем не сравнимую радость коллективного нравственного открытия! Здесь к тому же происходит встреча двух коллективов — зрителей и тех, кто подготовил спектакль. Говоря со зрителем, мы выражаем нравственный климат, жизненную позицию, интеллектуальный уровень нашего коллектива. А что может быть выше радости человеческого общения?

— Сейчас, в преддверии нового сезона, на пороге новой пятилетки, мы не только подведем итоги, но и заглянем в будущее. Каким вы хотите видеть свой театр завтра?

— Хочу видеть театр, который по-прежнему любит зрителя, который в разнообразных жанрах духовно обогащает его, который говорит правду, потому что бессовестно врать зовут народу.

И если это ваш последний вопрос, мне бы хотелось закончить нашу беседу цитатой из пьесы известного советского драматурга А. Кроха «Офицер флота». Это монолог художника: «Призвание художника в том, чтобы изобразить мир так, как он его видит. Можно уйти в жизнь и внести новому, но нельзя писать то, что не видят глаза зрителя. Там, где зрителя нет, художник не может жить. Слово, созданное рукой, живет. Оно будет мыслить и страдать, а все, порохом, молью, холодным раком, умрет быстро, и никто не вспомнит о художнике, и проходит мимо, не оглянувшись, но не умирает».